

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Достаточно ли мы хороши

Пётр Кропоткин

Пётр Кропоткин
Достаточно ли мы хороши
21 июня 1888 года

Скопировано 3 января 2024 года с
<https://vk.com/@-197262543-dostatochno-li-my-horoshi>

ru.anarchistlibraries.net

21 июня 1888 года

самостоятельно рассуждать, изучать историю любых великих социальных изменений, которые произошли в человечестве от возникновения Коммун до Реформы и до наших дней. Они увидят, что история есть не что иное, как борьба между правителями и управляемыми, угнетателями и угнетенными, в которой практический лагерь всегда встает на сторону правителей и угнетателей, в то время как непрактичный лагерь на стороне угнетенных; и они увидят, что борьба всегда заканчивается окончательным поражением практического лагеря после большого кровопролития и страданий из-за того, что они называют своим «практическим здравым смыслом».

Если наши оппоненты, говоря, что мы непрактичны, имеют в виду, что мы лучше предвидим ход событий, чем практические недальновидные трусы, то они правы. Но если они имеют в виду, что они, практические люди, лучше предвидят события, тогда мы отсылаем их к истории и просим их привести свои представления в соответствие с ее уроками, прежде чем делать это самонадеянное утверждение.

Оглавление

Достаточно ли мы хороши? 5

подчиниться, несмотря на бойни, и таким образом усилили непрактичное состояние ума до такой степени, что позволило непрактичному лагерю вынудить царя подписать их программу — до некоторой степени изуродованную. Наиболее практичные люди поспешили бежать из России, чтобы им не перерезали глотки через несколько дней после обнародования этой непрактичной программы.

Но все шло довольно гладко, несмотря на то, что практичные люди совершали еще много грубых ошибок. Эти рабы, которые считались непредусмотрительными, эгоистичными «скотами» и т.д., проявляли такой здравый смысл, такие организаторские способности, что превзошли ожидания даже самых непрактичных Утопистов; и через три года после Освобождения общий облик деревень полностью изменился. Рабы становились Людьми!

Утописты выиграли битву. Они доказали, что они действительно практичные люди, а те, кто притворяются практичными, были слабоумными. И единственное сожаление, выражаемое сейчас всеми, кто знает русское крестьянство, состоит в том, что слишком много уступок было сделано этим практичным слабоумным и обывателям-эгоцентристам: что совету левого крыла непрактичного лагеря не последовали в полной мере.

Мы не можем привести больше примеров. Но мы искренне приглашаем тех, кто любит

непрактичного лагеря, — полное равенство и земельные наделы — не было реализовано: это избавило бы от многих сегодняшних затруднений.

Примерно в то же время подобный спор бушевал в России, и причиной его было вот что. В России было 20 миллионов крепостных крестьян. В течение нескольких поколений они находились под властью или, скорее, под розгами их владельцев. Их пороли за то, что они плохо возделывали землю, пороли из-за отсутствия чистоты в их домах, пороли за некачественное изготовление полотна для их одежды, пороли за то, что они не скорее женили и выдавали замуж своих детей, — пороли за все. Рабство и непредусмотрительность были их характерными чертами.

Пришли Утописты и не просили ничего, кроме следующего: полного освобождения крепостных; немедленная отмена всех повинностей крепостного перед помещиком. Более того: немедленная отмена юрисдикции помещика и отказ им от всех дел, которые он прежде судил, в пользу крестьянских судов, избираемых крестьянами и судящих не в соответствии с законом, которого они не знают, а с их неписаными обычаями. Такова была непрактичная программа непрактичного лагеря. Практические люди сочли это простым безумием.

Но, к счастью, в то время воздух в России был наполнен большим количеством непрактичности, и он насыщался непрактичностью крестьян, которые восстали с палками против пушек, и отказались

Достаточно ли мы хороши?

Перевод статьи Петра Алексеевича Кропоткина Pётр Kropotkin «Are We Good Enough?», опубликованной в газете «Freedom» 21 июня 1888 года.

Одно из самых распространенных возражений против коммунизма состоит в том, что люди недостаточно хороши, чтобы жить при Коммунистическом положении вещей. Они не подчинятся принудительному Коммунизму, но они еще не созрели для свободного, Анархического Коммунизма. Столетия индивидуалистического воспитания сделали их слишком эгоистичными. Рабство, подчинение сильным и работа под кнутом необходимости сделали их непригодными для жизни в обществе, где каждый был бы свободен и не знал бы принуждения, за исключением того, что следует из добровольно взятого обязательства по отношению к другим и их неодобрения, если он не выполнил бы его. Следовательно, нам говорят, какое-то промежуточное переходное состояние общества необходимо как шаг к коммунизму.

Старые слова в новой форме; слова, сказанные и повторяемые с момента первой попытки любой реформы, политической или социальной, в любом человеческом обществе. Слова, которые мы слышали до отмены рабства; слова, сказанные двадцать и сорок веков назад теми, кто слишком любит своё спокойствие, чтобы любить быстрые перемены, кого пугает смелость мысли, и кто сам недостаточно страдал от несправедливости нынешнего общества, чтобы почувствовать глубокую, неотложную необходимость решения новых проблем!

рабовладельцы с помощью кнутов не будут больше заставлять трудиться своих негров, те вообще не будут работать и вскоре станут бременем для общества. Они говорили, что можно запретить толстые кнуты, и законом можно постепенно уменьшать толщину кнутов сначала до полдюйма, а затем до нескольких десятых долей дюйма; но кнут в каком-то виде должен быть сохранен. И когда аболиционисты сказали — так же, как мы говорим сейчас — что удовольствие от результата своего труда было бы гораздо более мощным побуждением к работе, чем самый толстый кнут, им сказали: «Вздор, мой друг», — так же, как и сейчас нам говорят. «Вы не знаете человеческую природу! Годы рабства сделали их непредусмотрительными, ленивыми и рабскими, а человеческую натуру невозможно изменить за один день. Вы, конечно, проникнуты лучшими намерениями, но вы совершенно «непрактичны»».

В течение некоторого времени практичные люди на свой манер разрабатывали планы постепенного освобождения негров. Но, увы! Эти планы оказались совершенно непрактичными, и вспыхнула гражданская война — самая кровопролитная в истории. Но война привела к отмене рабства без какого-либо переходного периода; — и видите, никаких ужасных последствий, предвиденных практическими людьми, не последовало. Негры работают, они усердны и трудолюбивы, они предусмотрительны — более того, даже слишком предусмотрительны — и единственное сожаление, которое можно выразить, что план, отстаиваемый левым крылом

росту эгоизма и жадности, рабства и амбиций? Единственное различие между нами и теми, кто выдвигает вышеупомянутое возражение, заключается в следующем: Мы, как и они, не преувеличиваем низменные инстинкты масс и благодушно не закрываем глаза на те же самые дурные инстинкты в высших классах. Мы утверждаем, что и правители, и управляемые испорчены властью; и эксплуататоры, и эксплуатируемые испорчены эксплуатацией; в то время как наши оппоненты, очевидно, признают, что соль земли — правители, работодатели, лидеры, — которые, к счастью, не дают этим плохим людям — управляемым, эксплуатируемым, ведомым — стать еще хуже, чем они есть.

Имеется различие, и очень важное. Мы признаем несовершенство человеческой природы, но не делаем исключения для правителей. Они делают, хотя иногда неосознанно, и поскольку мы не делаем такого исключения, они говорят, что мы мечтатели, «непрактичные люди».

Старый спор, спор между «практичными людьми» и «непрактичными», так называемыми Утопистами: спор, возобновляемый при каждом предложенном изменении и всегда заканчивающийся полным поражением тех, кто называет себя практичными людьми.

Многие из нас должны помнить о яростном споре в Америке перед отменой рабства. Когда пропагандировалось полное освобождение негров, практичные люди говорили, что, если

Люди недостаточно хороши для Коммунизма, но они достаточно хороши для Капитализма? Если бы все люди были добрыми, внимательными и справедливыми, они никогда бы не стали эксплуатировать друг друга, хотя и обладали бы средствами для этого. С такими людьми частная собственность на капитал не представляла бы опасности. Капиталист поспешил поделиться своей прибылью с рабочими, а наиболее высокооплачиваемые рабочие — с теми, кто попал в затруднительное положение из-за неожиданно возникших обстоятельств. Если бы люди были предусмотрительными, они не производили бы бархат и предметы роскоши, когда есть нуждающиеся в еде: они не стали бы строить дворцы, пока существуют трущобы.

Если бы у людей было глубоко развитое чувство справедливости, они бы не угнетали других людей. Политики не станут обманывать своих избирателей; Парламент не будет говорильней и жульничеством, а полицейские Чарльза Уоррена откажутся избивать выступающих и слушателей на Трафальгарской площади. А если бы люди были любезными, уважающими себя и менее эгоистичными, даже плохой капиталист не представлял бы опасности; рабочие вскоре низвели бы его до роли простого товарища-менеджера. Даже Король не был бы опасен, потому что люди просто считали бы его парнем, неспособным выполнять лучшую работу, и поэтому ему было бы поручено подписать какие-то глупые бумаги, разосланные другим чудакам, называющим себя Королями.

Но люди — не те свободомыслящие, независимые, предусмотрительные, любящие и сострадательные люди, какими мы хотели бы их видеть. И именно поэтому они не должны продолжать жить в нынешней системе, которая позволяет им угнетать и эксплуатировать друг друга. Возьмем, к примеру, тех несчастных портных, которые в прошлое воскресенье прошествовали по улицам, и предположим, что один из них унаследовал сто фунтов от американского дяди. С этими ста фунтами он, конечно же, не учредит производительную ассоциацию с дюжиной таких же несчастных портных и не попытается улучшить их состояние. Он станет эксплуататором. И поэтому мы говорим, что в обществе, где люди такие плохие, как этот американский наследник, ему очень трудно иметь вокруг себя несчастных портных. Как только он сможет, он будет их эксплуатировать; в то время как, если бы эти же портные вели обеспеченную жизнь благодаря использованию Коммунистического имущества, никто из них не стал бы потеть, чтобы обогатить своего бывшего товарища, и молодой эксплуататор сам не стал бы чудовищем, которым он, несомненно, станет, если продолжит оставаться эксплуататором.

Нам говорят, что мы очень рабские, очень снобистские, чтобы быть помещенными в свободные институты; но мы говорим, что из-за того, что мы действительно такие рабские, мы не должны больше оставаться под нынешними институтами, которые способствуют развитию рабства. Мы

видим, что британцы, французы и американцы проявляют самое отвратительное раболепие по отношению к Гладстоуну, Буланже или Гулду. И мы делаем вывод, что для человечества, уже наделенного такими рабскими инстинктами, очень плохо иметь массы, насильственно лишенные высшего образования и вынужденные жить в условиях нынешнего неравенства в богатстве, образовании и знаниях. Высшее образование и равенство условий были бы единственными средствами для уничтожения унаследованных рабских инстинктов, и мы не можем понять, как рабские инстинкты могут быть аргументом в пользу сохранения, даже на один день дольше, неравенства условий; в отказе на равенство обучения для всех членов сообщества.

Пространство статьи ограничено, но подвергните такому же анализу любой из аспектов нашей социальной жизни, и вы увидите, что нынешняя капиталистическая, авторитарная система абсолютно не подходит обществу людей, таких непредусмотрительных, таких хищных, таких эгоистичных и таких рабских, каковы они сейчас. Поэтому, когда мы слышим, как люди говорят, что Анархисты представляют людей намного лучше, чем они есть на самом деле, мы просто удивляемся, как умные люди могут повторять эту чушь. Разве мы не говорим постоянно, что единственный способ сделать людей менее хищными и эгоистичными, в то же время менее честолюбивыми и менее рабскими заключается в устранении тех условий, которые способствуют